

26. The New Oxford Thesaurus of English: Oxford unit. press, 2000.
27. Rogest's Thesaurus of English words & Phrases – Harlow: Logman, 1987.
28. The Times English Dictionary & Thesaurus – 2ed – Glasgow: Harper Collins; London: Times books, 2000.
29. Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language – Updated rev. Deluxe ed. – New York, 1996.
30. Webster's 3rd New International Dictionary of the English Language (Unabridged) Editor-in-chief-Phillip Babcock Gave. Springfield, Massachusetts, Merriam-Webster Inc., 1993.

М. А. Ананьина

Особенности стилистического приема антономасии

Сфера действия стилистического приема антономасии является широкой и включает большое количество случаев использования имен, сопровождающихся созданием экспрессивного, эмоционального эффекта и выражением оценочности. В лингвистических работах в качестве примера антономасии приводятся разнообразные случаи использования антропонимов, топонимов, названий культурно-исторического характера. Например, употребление имен Van Dyck, Goya, Dickens для обозначения результатов творчества референтов имен – картин или книг, расценивается некоторыми авторами как примеры антономасии. Кроме того, такие имена, как Sedan в значении «полное поражение», Dunkirk «предварительная эвакуация войск в условиях сильной бомбардировки», Coventry «разрушение города в результате воздушной атаки» также приводятся для иллюстрации данного стилистического приема [10, с. 166]. Изучение языковых особенностей антономасии, изложенных в различных лингвистических источниках, приводит исследователя к ряду вопросов, в частности, таких, как зависит ли экспрессивный эффект, создаваемый при использовании антономасии от наличия одушевленного или неодушевленного референта; в чем состоит специфика использования имен во вторичной функции, обладающих ярким экспрессивным эффектом, и тех имен, которые такой образностью не обладают; какой тип переноса преобладает при использовании антономасии: метафорический или метонимический. В данной работе излагаются собственные результаты исследования стилистического приема антономасии в соответствии с поставленными вопросами.

Обратимся к этимологии термина «антономасия» (или, как принято в ряде словарей, «антономазия»). Согласно английскому толковому слова-

рю Merriam-Webster, антономасия (antonomasia) определяется как «использование эпитета вместо имени собственного», слово происходит от греческого «antonomazein» «называть новым именем». Данное слово состоит из приставки anti-, обозначающей «противо-», и onomazein «называть» (onoma – «имя»). Далее приводится разъяснение данного термина, который имеет два значения:

- использование имени собственного для обозначения представителя какого-либо класса, например, a Solomon вместо «a wise ruler»;
- использование эпитета или звания, титула вместо собственного имени, например, Bard вместо Shakespeare (Britannica, De Lux Edition). Таким образом, речь в основном идет о случаях именованья людей.

В Словаре иностранных слов приводится следующее определение антономасии (гр. antonomasia):

- обозначение лица словом, имеющим отвлеченное значение собственного или приписываемого данному лицу качества, напр., нечистый вместо черт;
- употребление собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами известного по литературе, истории носителя этого имени, напр., Отелло вместо «ревнивец», Обломов и т. д.;
- стилистическая фигура, состоящая в описательном обозначении лица [8, с. 46].

В данном определении также подчеркивается, что референтом имени выступает лицо, а не какой-либо неодушевленный предмет или событие. Это определение дополняет вышеприведенное тем, что включают в сферу антономасии также случаи образного перифраза, акцентирует стилистическую природу антономасии, а также выделяет признак известности лица, имя которого используется для номинации другого референта.

В энциклопедическом словаре Брокгауза-Евфрона используется термин «антономазия», который определяется как риторическая фигура, состоящая в замене собственного имени описательным выражением и наоборот, например, вместо «Бог»: «Всемогущий», вместо наши «ораторы и полководцы»: наши «Цицероны и Наполеоны». [7, с. 181]. Примеры свидетельствуют о том, что сфера действия этого приема преимущественно ограничена случаями, когда в качестве референта выступает человек.

Отметим, что во многом трактовка антономасии зависит от филологического ракурса, в котором исследователь рассматривает данное явление. Например, в лексикологии имеются свои особенности понимания лингвистической природы антономасии. В данной работе антономасия изучается в стилистическом аспекте.

На основе приведенных определений, а также примеров функционирования антономасии мы пришли к выводу, что правомерно выделять случаи, в которых референтом имени, участвующим в создании стилистического приема, является лицо, человек, а также случаи антономасии с неодушевленным референтом. Употребление антономасии с указанием на лицо встречается в художественной литературе значительно чаще, чем аналогичные случаи антономасии с указанием на неодушевленный референт. Приведем в качестве примера отрывок из романа P. Lovesey «The Summons» (1995): *Little Hitlers, everyone, Diamond thought. How does anything ever get decided these days? Maybe on the orders of a bigger Hitler, like me* [11, с. 112]. Герой книги называет тех, с кем он сталкивается, «маленькими Гитлерами», таким образом, выделяя основной, отличительный признак персонажей – их склонность к диктаторству и тирании, и закрепляя этот признак в наименовании. Аналогично можно трактовать значение словосочетания «a bigger Hitler».

Случаи использования антропонима для обозначения неодушевленного объекта могут быть охарактеризованы как разновидность олицетворения, заключающегося в наделении неодушевленных предметов признаками и свойствами человека. В публицистике, газетных статьях наблюдаются случаи антономасии, основанной на неодушевленном референте, как правило, такие случаи используются для создания комического эффекта.

Точка зрения о преимущественном использовании в качестве референта антономасии одушевленного объекта прослеживается в ряде работ по стилистике. Ю. М. Скрбнев определяет антономасию как разновидность метафоры и аллюзии, как «использование имени исторического, литературного, мифологического или библейского персонажа применительно к человеку, характерные черты которого имеют сходства с данным общеизвестным персонажем» [8, с. 117]. И. Р. Гальперин понимает антономасию широко, как прием, основанный на игре номинативного и логического значений [10, с. 164]. Т. А. Знаменская также предлагает широкое определение антономасии как стилистического приема, основанного на использовании собственного имени вместо нарицательного и наоборот, с целью подчеркнуть, выделить какую-либо черту или качество [5, с. 188]. И. Р. Гальперин отмечает, что антономасия может служить для выделения отличительных черт, как человека, так и события. Однако большинство примеров, приводимых автором, являются именами людей: the Boreds and the Bored (пример из Байрона), Miss Blue Eyes, Scrooge, Mr. Zero, Gradgrind, Korobochka, Sobakevich, Sir John Pottledeep и другие. Специфической чертой антономасии признается выделение особенной характери-

стики человека или события и использование данного обозначения в качестве имени собственного [10, с. 165].

Таким образом, в большинстве работ по стилистике говорится о том, что антономасия является стилистическим приемом, основанном на использовании собственного имени вместо нарицательного, либо нарицательного вместо собственного, при этом для возникновения стилистического эффекта необходима одновременная реализация двух значений имени: номинативного и логического. Вторичным референтом антономасии может быть как одушевленный, так и неодушевленный объект. Анализ определений антономасии в словарях, стилистических источниках, изучение произведений художественной литературы, а также анализ многочисленных примеров Словаря аллюзий позволяет нам сделать вывод о том, что в большинстве случаев в художественной литературе референтом антономасии является одушевленный объект – человек. Использование неодушевленного объекта в качестве референта в большей степени характерно для публицистики, где подобные случаи играют важную роль в создании комического эффекта.

Второй вопрос касается типа переноса значения, лежащего в основе антономасии. Стилистический прием антономасии в лингвистическом плане представляет собой случай вторичной номинации, в основе которой может лежать как метафорический, так и метонимический перенос, либо метонимический перенос с добавочной метафоризацией.

В работах по стилистике, однако, наблюдаются различные точки зрения по данному вопросу. Ю. М. Скребнев считает антономасию разновидностью метафоры и аллюзии. Эту точку зрения разделяют М. П. Ивашкин, В. В. Сдобников и А. В. Селяев [6, с. 10]. Ю. М. Скребнев также отмечает, что в работах по лексикологии наряду с метафорической антономасией выделяется метонимическая антономасия. Метонимическая антономасия имеет место в случаях, когда антропоним начинает использоваться для обозначения продукта творчества данного лица, например, *I am fond of Dickens*. По мнению Ю. М. Скребнева, подобные случаи употребления имени собственного не обладают стилистической значимостью, так же, как слова, образованные на основе антропонимов: *mackintosh*, *sandwich*, и другие. На наш взгляд, здесь получает подтверждение точка зрения И. Р. Гальперина о том, что условием антономасии является одновременная реализация номинативного и логического значений. В данных примерах доминирует логическое значение, поэтому экспрессивный эффект отсутствует.

И. В. Арнольд рассматривает антономасию как разновидность метонимии. Специально не оговаривая тип референта, исследовательница от-

мечает, что антономасия представляет собой «переход собственных имен в нарицательные (Дон Жуан), или превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя персонажа, как в комедиях Р. Шеридана, или замена собственного имени названием связанного с данным лицом события или предмета» [1, с. 128]. Отметим, что под антономасией в такой трактовке понимается сам процесс образования слова в языке: Имя Дон Жуан первоначально обозначает лицо, а затем, на основе принципа смежности, начинает обозначать качества, особенности этого лица. Обратный процесс, также основанный на метонимической связи, происходит, когда лицо, обладающее определенными качествами, которые обозначаются нарицательными именами, получает имя, в основе которого лежит это качество, черта характера, например, слова «cruel», «devil» несут в себе представление о жестокости и лежат в основе имени Cruella de Vil, героини известного произведения Д. Смита «One Hundred and One Dalmatians» (1956). Поведение Круэллы полностью соответствует заложенному в имени значению: богатая, злая, обладающая неприятным визгливым голосом героиня занимается тем, что крадет девяносто девять далматинцев, чтобы сшить себе шубу. В данном случае происходит номинация человека при помощи слов, раскрывающих характер (так называемое говорящее имя). В основе данной номинации лежит метонимическая связь слова, обозначающего качество, с конкретным референтом, для которого название качества возводится в ранг имени собственного и приобретает индивидуализирующее значение.

И. Б. Голуб, автор работ по стилистике русского языка, также рассматривает антономасию (исследовательница использует термин «антономазия») как особый вид метонимии [2]. Автор отмечает, что, начиная со второй половины XIX в., антономазия, восходящая к античной мифологии и поэзии, начинает использоваться все реже. Референтом антономасии может быть как человек, так и абстрактное понятие, например, использование имени Терпсихора для обозначения искусства танца или имени Мельпомена для обозначения трагедии. Как отмечает И. Б. Голуб, в настоящее время использование античных имен в поэзии уходит в прошлое. На наш взгляд, процесс образования имени собственного на основе нарицательного и обратный ему процесс частичного или полного перехода имени собственного в класс нарицательных имен для обозначения качества, черты характера или отдельного произведения референта, акта творчества носит характер метонимического переосмысления. Однако реальное функционирование в контексте антономасии, когда имя используется в функции вторичной номинации, может быть основано как на метафорическом, так и на мето-

нимическом переносе значений. Более того, как отмечает Д. И. Ермолович, «на метонимическую номинацию может накладываться добавочная метафора или добавочная метонимия» [3, с. 233].

Отметим, что наименее экспрессивными из рассмотренных примеров являются те, в которых какая-либо особенность или черта референта является не внутренне присущей, индивидуальной особенностью, а служит в качестве проявления онтологической связи данного референта с другим, т. е. имеются в виду случаи метонимической связи по типу «автор → творение». Dickens, Titian как обозначения картин представляют собой не внутренние качества творцов, а являются отчуждаемыми продуктами, поэтому их экспрессивный эффект слабее. Наиболее сильный экспрессивный эффект возникает при наличии переноса по типу «образ → абстрактная идея, связанная с образом», который имеет место, например, при использовании имен James Bond, Adonis для обозначения смекалки, авантюризма (Имя Bond) и мужской привлекательности, красоты (имя Adonis).

Итак, изучение языковых особенностей антономасии, изложенных в различных лингвистических источниках, приводит к следующим выводам. Референтом антономасии чаще всего является человек, что, возможно, объясняется, помимо всего прочего, тем, что данный прием основан на реализации индивидуализирующего значения, которое в основном присуще человеку. Значительно реже используется антономасия на основе топонимов. Антономасия может быть основана на использовании нарицательного имени, служащего для обозначения какого-то присущего человеку качества, и возведенного в ранг антропонима, либо представляет собой использование аллюзивного антропонима в функции вторичной номинации. В основе функционирования антономасии может лежать как метафорический, так и метонимический типы переноса значения. Кроме того, в ряде случаев метонимическая номинация может сопровождаться добавочной метафоризацией или добавочной метонимией.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 5-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
3. Ермолович Д. И. Англо-русский словарь персоналий. 3-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2000. 352 с.
4. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.

5. *Знаменская Т. А.* Стилистика английского языка: Основы курса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 208 с.
6. *Ивашкин М. П.* Практикум по стилистике английского языка. = A Manual of English Stylistics / М. П. Ивашкин, В. В. Сдобников, А. В. Селяев. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 101 с.
7. Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 1 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Евфрона. Т.: ТЕРРА, 1997. 544 с.
8. *Скребнев Ю. М.* Основы стилистики английского языка. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 221 с.
9. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.
10. *Galperin I. R.* Stylistics. Moscow: Higher school, 1977.
11. The Oxford Dictionary of Allusions / Edited by Andrew Delahunty, Sheila Dignen, and Penny Stock. Oxford, New York, 2003. 453 p.

С. Н. Балашов

Взаимодействие когнитивных карт в ироническом дискурсе

Как и любой другой вид дискурсивной ситуации, иронический дискурс – это текст, погруженный в ситуацию непосредственной коммуникации. Отличием от других видов дискурса будет качество общения адресанта и адресата в ироническом дискурсе. В своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В. И. Карасик относит подобный дискурс к прагмалингвистическим типам дискурсивной ситуации [2, с. 304–333]. В упомянутом исследовании затронута проблема юмористического дискурса, а так как ирония обладает большим количеством схожих черт с юмором, будет правомерно провести параллели между юмористическим и ироническим дискурсами. При компаративном взгляде на оба типа, обнаруживается ряд схожих, но не идентичных характеристик, которые свойственны комическим дискурсам. Так, если при юмористическом дискурсе наблюдается намерение участников уйти от серьезного разговора, то иронический дискурс можно охарактеризовать как ведение серьезного разговора в несерьезной форме. В обоих типах комического дискурса наблюдается стремление критически переосмыслить актуальные проблемы, но если юмористический дискурс – это преобладание «мягкой формы критики», то иронический – это характерно едкая критика, а иногда грубая насмешка в случае сарказма. При этом разным будет и поведение адресанта: в юмористическом дискурсе адресант пытается сократить дистанцию с адреса-